

Музыка и слово

Давно хотела написать о Викторе Фёдоровиче Садовском. Но когда скопились впечатления, беседы, статьи, оказалось, что получается не очерк, а мемуары. Отражать всё – значит, переключаться с уже написанным о нём. Взять немного – выход, но есть риск не сказать главного. За пределами очерка остались семья, предки Садовского, тонкости творчества – это отдельная большая работа. Попробовала описать душевное, но и того не вместить...

Потомок запорожских казаков

Узнаю его издали по кепке-бейсболке, которая, на мой вкус, ему вовсе не идёт. Она американская, а красуется на голове черноморского казака, потомка легендарных, лучше сказать, былинных казаков Запорожской Сечи, обосновавшихся некогда на Кубани. Он носит усы и волнистую, чубоватую прядь на лбу. Смотрит, будто знает такое, отчего глаз блестит насмешлиной ли, задорниной. Может, это та самая казачья удаль, равно готовая храбро биться с неприятелем и отчаянно гулять всем миром? Говорит неспешно, словно тут же проверяя верность изложения мыслей. Движения лишены порывистости, которой обычно ждут от поэта-певца-музыканта. Добавлю: композитора, журналиста, знатока и собирателя казачьего фольклора, частью которого стали уже его песни. Люди исполняют их как народные.

Судите, пойдёт ли такому бейсболка.

Виктор Фёдорович – всеобщий приятель. В начале нашего знакомства это настораживало: друг всех – ничей друг. Спрашиваю, как удаётся ладить с творчески сложными, несхожими во взглядах людьми.

Затеpliant улыбку во внешних уголках глаз, музыкант ответил, что в любом человеке есть нечто. Даже если тот ничем не замечателен, всё равно интересно: почему? Изюмина всегда найдётся, умей только выслушать.

Узнав Садовского лучше, дополню: не поступайся дружбой ради общего мнения, ради некоей расхожей истины, не ищи выгод от людей, на любой жизненной закавыке стой за друзей и родных потому лишь, что они – свои, со всеми достоинствами и недостатками. Такой он человек.

Жизнь после смерти

В Орёл Виктор Фёдорович приехал из станицы Курчанской в 1965-м году учиться музыке. Упражнялся на баяне по шестнадцать часов в сутки. После музыкального училища закончил ещё Московский институт культуры и искусств, учительствовал в школе, пел в народном хоре, сам создавал и возглавлял хоровые коллективы Орловщины, писал песни на чужие, свои стихи, публиковался в газетах. В 1998 году печатается его песенный сборник «Берёзы мценской стороны».

Человек мыслил отдать себя музыке, но пути господни вели к иному. Кто знает, появилась бы в 2000 году его первая книга стихов «Оберег», если б не случай, даже два. Виктор Фёдорович называет их мистикой.

Он умирал дважды с промежутком в год, оба раза за неделю до Троицы и обязательно в поэтическом месте. В Спасском-Лутовинове и Клеймёнове. Теряя сознание, чувствовал: его неотвратимо втягивает сумасшедшая круговерть. Потом, зависнув над сущим, слышал, видел всё, над чем парил, и спустя время возвращался к жизни через ту же страшную карусель. Сердце...

Выздоровев, музыкант задумался о своих стихах. Показал их другу, поэту Ивану Александрову. Решили: книге быть. Так, дважды умирая, родился Садовский-писатель.

– Кто же Вы, – спрашиваю, – певец, композитор или поэт?

Он ответил, что, вероятно, тот, кого на Руси звали боянами, певцами-сказителями. Понимаю: предпочтений нет.

Садовский верен музыке и в стихах: *«Разморенные птицы/Не распевают гаммы», «В роще пальмовой русский матрос/Распевает о Родине песни», «И услышать знакомую песню/На родном, не чужом,/Не забытом ещё языке».*

Душа народа

Язык – вторая, печальная любовь Виктора Фёдоровича. Исчезает родной черноморский диалект поэта, а ведь язык – душа народа. Садовский пытается сберечь старинный запорожский говор: собирает казачьи песни, сказания, пишет на родном, затейливом, как славянский орнамент, наречии. Кроме того, он знает польский, белорусский, словацкий, чешский, болгарский, английский языки.

Случилось, американская делегация, которую сопровождали орловские музыканты, особо отличила Садовского, пригласила в гости. Так начались долгие странствия певца. Были у него поездки размахом в половину Европы, но США завладели им на несколько лет. С авторскими концертами он объездил более тридцати штатов. Взамен дальний континент наваял Виктору Фёдоровичу стихотворный цикл. Не обошлось без мистики и здесь.

«Он был чубатый запорожец.

Она – с раскосыми глазами...»

В голове сидели только эти строчки поэмы «Не терять, как предки – Сечь...» Глава о мести мусульманина девушке, полюбившей казака-христианина, не складывалась. Однажды ночью слова сами потекли под руку. Строфы окончательно выстроились утром 11 сентября 2001 года. Над США уже носилась зловещая птица-новость о другой дикой мусульманской мести.

Читая стихи Садовского об Америке, вижу её глазами чуждого ей человека, потому любясь красотой строф, не могу восхищаться страной, которой они посвящены:

«Как лава дикая безудержных коней

С распущенными пенистыми гривами,

Несётся Ниагара меж камней...»

Зато ностальгия, сквозящая ветром, наполненным ароматами былого, будто вынута из моего сердца:

«Стою в церквушке посредине странствий,

Как будто и не ездил никуда».

Для поэта, живущего вдали от отеческой околицы, слово «родина» – не модный ныне патриотический пафос, словно гарантированный проходной балл в известность. Оно сродни памяти детства, сродни первой любви: никогда не проходит начисто, оставляет переживания, освещает все последующие поступки и мысли, стихи и песни...

«Хочу домой»

У столь деятельного человека интересно спросить: что же дальше? Виктор Фёдорович хочет издать книгой свою горькую, пронзительную поэму «Светла твоя сказка», составляет словарь-справочник малороссийского наречия, руководит ансамблем в Глазуновке, работает редактором Орловского областного центра народного творчества, публикует очерки в столичных журналах. Пишет стихи, музыку. Но как писать при такой густой жизни? Сколько на свете съеденных суетой талантов. Интересно у Виктора Фёдоровича, не мешает ли обилие дел творчеству.

Отчасти, говорит, мешает. Мало времени, тишины. Мне понятно ненасытимое стремление к уединению, когда внутри, словно в коконе, ворочается, расправляет мягкие крылья бабочка будущего творения – строки, мелодии. Поэт должен оставаться наедине с собой. Если этого долго нет, жажда тишины становится мучительной.

Представляю Виктора Фёдоровича у окна за минуту-две до озарения. Мимо деревьев, домов устремляется взгляд поэта и пропадает в межпространстве. Летает в облаках, говорят. Не в облаках, и не вне комнаты даже. Это – полёт в глубину себя, в свою, не измеренную обывательской фантазией тайну, по-детски чистую, несмотря на опыт – копилку душевных обретений. Жизнь требует одного, Бог назначил другое, и человек творит, балансируя на этой грани, «На лезвии времени» – именно так назвал одну из книг поэт-музыкант Садовский.

Спрашиваю, чего потомок гордых «сечевиков» желал бы себе. Отвечает: «Хочу домой. Сколько ни живу в Орле, всё время стремлюсь на Кубань».

Дай того Бог. Ещё желаю Виктору Фёдоровичу радовать свой край книгами, песнями, ибо пригодиться на родине – капля, делающая человеческое счастье полным.

Светлана Голубева